

**ВОСПОМИНАНИЯ СЕСТРЫ ПОЭТА  
ВАСИЛИЯ ДМИТРИЕВИЧА ФЁДОРОВА  
ЗИНАИДЫ ДМИТРИЕВНЫ  
АЛЯНЧИКОВОЙ (ФЁДОРОВОЙ)  
В ВОЛЬНОМ ИЗЛОЖЕНИИ ЕЁ СЫНА  
НИКОЛАЯ АЛЯНЧИКОВА,  
С ДОБАВЛЕНИЕМ ЛИЧНЫХ  
ВОСПОМИНАНИЙ**



*З. Д. Алянчикова*

Родился Вася 23 февраля 1918 года в городе Кемерово. Многие мои воспоминания о Васе связаны, естественно, с Марьевкой, куда наши родители со старшими детьми переехали в 1919 году.

Самое первое моё воспоминание относится к тому периоду, когда Васе было годика три – четыре. Жили мы тогда под горой. Была у нас лошадь, а у ней жеребёнок. И захотелось Васе дёрнуть жеребёнка за хвост. Начальный жиз-

177

ненный опыт закончился для него крупной неудачей, жеребёнок проявил крутой нор и лягнул ребёнка – рассёк ему нижнюю губу и повредил зубы. Сестра Таня запрягла лошадь и повезла пострадавшего на Яю, где ему в больнице зашили губу. В молодости этот шов был практически незаметен, а проявляться стал с годами. Воспоминание об этом жизненном эпизоде отразилось в одном из ранних стихотворений «Прощание с морем» – обращаясь к морю, поэт пишет:

*Ты зыбкое,  
Ты всё забыло,  
А вот на мне лиха беда  
Однажды след пробороzdила,  
И он остался навсегда.*

Вася рос очень спокойным и даже тихим ребёнком, любил уединяться. Помню, однажды стояли мы с ним на Блажновой горе и из-за чего-то поссорились, я его слегка поцарапала. Через много лет, во время приезда в Марьевку, я напомнила Васе этот случай из детства, и он мне ответил: «Вы царапались, а я уже о жизни думал».

Бегали мы с ним за земляникой в березняк, который рос недалеко от нас.

Вспоминаю, как старшая сестра Таня собрала нас человек шесть и повела в поле копать картошку. Поработали, к обеду сварили похлёбку, начали есть, и только тогда выяснилось, что Васе не досталась ложка, и Таня, конечно же, шутя, говорит: «Была бы родная мать, ложку не забыла бы положить». Вася сначала говорит: «Да, да...», а потом как заплачет, а мы вслед за ним, за брата обидно стало. Мы его еле уговорили, сказав, что все вперёд тебя ложки разобрали, а ты опоздал. Этот эпизод детства, по-моему, тоже стал предметом поэзии («Испанская метрика», «Я в Испании родился...»).

Один год мы с Васей учились в ШКМ (школа колхозной молодёжи), что была в коммуне «Горняк» (с. Жарковка или Шигарка, районное село Яя). Вася учился в пятом классе, а я в шестом. Помню, как зимой мы с ним бежали домой на каникулы. Мороз, одежда на нас не ахти какая, передых делали в д. Ольговка, а от Ольговки ещё восемь километров, так же, видимо, добирались и обратно, но возможно, нас подвозили на лошади.

Помню, мама рассказывала, что приходил к ней учитель из другой деревни (то ли Ломовка, то ли Улановка), раньше работавший в Марьевке и учивший нас с Васей. Приходил, чтобы повидать Васю, а мама ему сказала, что Вася уехал поступать в Новосибирский авиационный техникум (1933 г.). Мама была растрогана таким вниманием к 15-летнему ученику. Учителя Васю очень уважали и выделяли среди других учеников, он рано начал писать стихи, хорошо рисовал.

Талант его проявился очень рано. Но на моей памяти, как ни странно это прозвучит, не в стихосложении, а в иной ипостаси. Помню, приходит как-то Танин муж Павел из сельсовета и говорит: «Вася, нужно нарисовать пионера во весь рост вот на этом месте, с поднятой в приветствии рукой – «Будь готов», будем открывать пионерский уголок». Васе было лет 10–12, но он нарисовал так хорошо, что его пионер долго оставался единственным в нашем пионерском уголке. Васю очень уважали в колхозе, доверили ему колхозную кассу.

Вспоминаю, написал он поэму в стиле «Руслана и Людмилы», а сестра Таня нашла, прочитала и, видно, стала подтрунивать над ним. После этого он стал прятать свои творения. Но как-то сестра всё равно нашла очередное, но уже зрелое – о Венере без наряда.

Много он читал, уединившись. Мама, бывало, встрепенётся, а где у нас Вася, кричит, зовёт, а он из бурьяна вылезает, иной раз и про обед забывал. Вася уезжал учиться в Новосибирск, я в этот же год уехала работать, мы с ним не виделись года два – три и вновь встретились в 1935 году на похоронах брата Пети в Красноярске (есть фотография).

Следующая наша встреча состоялась в 1938 году в Ачинске, когда он ехал после окончания техникума на работу в Иркутск. Он подарил мне свою очень хорошую фотографию, которую я по просьбе Лары (жена В. Д. Фёдорова) отправила ей в Москву.

После Иркутска, перед войной, Вася переехал в Новосибирск, где работал на заводе имени Чкалова. Из новосибирских воспоминаний военного времени: как-то в 1941 году пошёл он менять что-то на продукты, но принёс только мороженую свёклу. Работал на заводе допоздна, а стихи ему приходилось писать по ночам на кухне квартиры старшей сестры Тани (Красный проспект, 76, кв. 17), и мама, помню, очень за него боялась, когда слышала, как Вася разговаривает сам с собой. Но мы её утешили, объяснив, что он пишет стихи и читает, проверяя на слух.

Помню, когда в 1944(5) году я приехала со своими дочерьми Элей и Галей в Новосибирск к Тане, по радио должны были читать Васину поэму «Далёкая». Вася очень волновался, но всё прошло хорошо.

В сентябре 1945 года приезд моей семьи в Новосибирск (мы ехали на место новой работы мужа Николая Андреевича – в г. Николаевск-на-Амуре) совпал с моим тридцатилетием, и Вася откликнулся на это событие почти одическим, несколько шутивным стихотворением.

В 1964 году, в очередной мой приезд в Москву, Вася стал жаловаться, что ему мешает шум Кутузовского проспекта, а на хуторе (хутор Гаврилов) – самолёты и поезда. А я ему говорю: «Построй себе домик в Марьевке и живи». Реакция на моё предложение была

мгновенной, он сразу начал рисовать эскиз марьевского прибежища. В 1970-м дом был построен.

Об истории его строительства существует не одно воспоминание брата (письмо Сергею Воронину, «Сны поэта»). Лара долго сердилась на меня за то, что я подкинула ему эту идею. Но, как ни странно, именно её свидетельство подтверждает, что я являюсь зачинщиком этого события в жизни фёдоровского рода. А свидетельство это – письмо-открытка, написанная Ларой моей сестре Тане. Кстати, открытка – репродукция картины И. Левитана «Осень. Мельница» – подобрана со смыслом. Хотя до мельницы, к счастью, дело не дошло, но пейзаж, надо сказать, соответствует Марьевскому.

В 1944–1945 годах в Новосибирск приезжал Павел Антокольский и выступал где-то, а Вася ему в чём-то резко возразил. И это, как потом оказалось, не прошло для него бесследно. Когда Вася оканчивал Литературный институт (1950), ему на защите диплома по инициативе Антокольского поставили тройку и не выдали диплом.

Он очень любил пошутить. Васины друзья с удовольствием пересказывали его экспромты по различным поводам. Однажды в Москве кто-то ему представил: «А вот жена братьев Тур», на что последовал вопрос: «Что, одна на двоих?».



*Во втором ряду (слева направо): брат Иван, мать Ульяна Наумовна, Василий Фёдоров, за ним стоят сёстры Татьяна и Зинаида. 1935 г.*

А однажды, когда я гостила в Москве на Кутузовском и мы вечером сидели втроем, Вася я и Лара, вдруг раздался звонок, и Вася ответил: «У меня даже две дамы, но я не собираюсь их провожать». Оказалось, что администратор гостиницы «Украина», что находилась напротив дома, перепутала номер телефона и эдак деликатно проинформировала: «У вас дама, пора провожать».

Когда я уже в 1970-е годы приезжала в Марьевку, то любила ходить на крутой берег Яи и ловить рыбу. Навык в рыбацком деле я приобрела за долгие годы жизни на берегу самой рыбной российской реки – Амура. Однажды, взяв привезённые из Хабаровска закидушки, пошла на Яю и так увлеклась, что Вася, потеряв меня, забеспокоился и прибежал ко мне на берег. На радость, что отыскал, принёс целую охапку медунок (медуниц) и начал меня угощать, а я уже от них отвыкла, так как, кроме Марьевки, их больше нигде не встречала. А он ест и нахваливает. А после этого он съездил на Яю и привёз черемшу, которую мы с ним солили. К слову сказать, те хабаровские закидушки Вася попросил оставить ему, что я и сделала.

Вася очень любил черемшу, и многие это знали, судя в том числе и по факту, свидетелем которого я была. Помню, в Москве в день его выступления в Политехническом музее ему подарили много цветов, и кто-то из сибиряков положил ему в букет черемшу и написал записку. Прочитав записку, он ушёл за кулисы предупредить, чтобы случайно черемшу не выкинули из букета, – радовался, как ребёнок. После этого при каждом удобном случае ранней весной я посылала ему дальневосточную черемшу.

Пару раз такую оказию в начале 1980-х осуществлял мой сын Николай Алянчиков, а как-то даже хлопотал далеко не комплимент от поэта за низкое качество продукта вследствие неправильной упаковки при девятичасовом авиаперелёте! Будучи сверхтребовательным к себе, брат мог быть требовательно-искренним и к ближайшим родственникам. Вообще среди своих он был очень искренен.

С поездок в Сибирь к сезону черемши начиналось его ежегодное весеннее воскресание.

Из Хабаровска я по просьбе Васи прислала в Марьевку саженцы дальневосточных деревьев: ильма, орехового дерева, кедра. Ильм хорошо прижился, проверено в 1986 году, а вот остальные деревья, очевидно, не прижились.

*Николай Алянчиков дополняет воспоминания матери.*

...Когда я первый раз прилетел из Хабаровска в Москву и таксист привёз меня на Кутузовский проспект, дяди Васи дома не было. Он явился ближе к вечеру – такой высокий, стройный, прямо молодой красавец. И так с порога горячо шагнул ко мне, и так обнял, что я даже опешил и где-то даже, дурак, отшатнулся. А ведь, как выяснилось поздним вечером

23 февраля 1984 года в нашей беседе, он помнил меня с моего двухлетнего возраста (1948 год).

В 1966 (67) году во время моего пребывания в Москве супруги Фёдоровы одолжили мне два билета в Кремлёвский дворец съездов, дворец посмотреть и оперу Ваню Мурадели «Октябрь» послушать. По возвращении дядя Вася спрашивает: «Ну, как впечатление?» Даю положительную оценку, но при этом добавляю: «Смутило только одно обстоятельство – поющий Ленин». Он мне в один миг: «Подожди, он у них скоро запляшет!» Меня уже тогда поразило это «у них». Кто «они» такие? Со временем стало понятно.

А вот что вспомнил во время поминального ужина 24 апреля 1984 года в Дубовом зале Центрального дома литераторов Владимир Солоухин. Когда Фёдорову отказали в приёме в члены СП СССР (1954 г.), он в кругу друзей отшутился:

*У меня спросила Муза:*

*– Ты почему не член Союза?*

*И я ответил моей Музе:*

*– А у них бардак в Союзе.*

В 1986 году мы вместе с мамой и двоюродной сестрой Ниной Павловной Гудковой, которую Лариса Фёдоровна называла главной племянницей Василия Дмитриевича, побывали в Марьевке. Нина со своим мужем Сергеем много фотографировали, в том числе и Василия Дмитриевича. Большинство фотографий очень удачны.

